

УДК 82(091), 821.1 61.1

А. Ю. Минералов

«КАТОРЖНО-ЛАГЕРНАЯ» СЮЖЕТНО-ОБРАЗНАЯ ТРАДИЦИЯ В РУССКОЙ ПРОЗЕ XX В.

Солженицын и другие авторы русской «лагерной» прозы XX в. систематически вспоминают и цитируют «Записки из Мертвого дома» Ф. Достоевского и «Остров Сахалин» А. Чехова. Эти два произведения создали в литературе важную семантическую традицию. Они часто провоцируют в произведениях «лагерной прозы» аналогии, аллюзии, сюжетные параллели и философскую полемику.

Ключевые слова: Достоевский, Чехов, Дорошевич, литература, традиция, художественно-документальный, сюжет, каторга, ГУЛАГ, Солженицын.

A. Y. Mineralov

«PRISON CAMP» PLOT AND IMAGE TRADITION IN THE RUSSIAN PROSE OF THE XX CENTURY

Soljenitsin and other Russian jail-prose authors of XX century systematically remember and quote Dostoevsky's «Notes from the House of the Dead» and Chekhov's «Sakhalin Island». Those two works have created a major semantic tradition. In pen-literature they often provoke analogies, allusions, plot parallel lines and philosophical discussions.

Keywords: Dostoevsky, Chekhov, Dorochevich, literature, tradition, art and dokumentary, servitude, the Gulag, Solzhenitsyn.

1

Художественно-документальные жанры неизменно присутствуют и активно себя проявляют в русской прозе. Но они вряд ли в достаточной мере привлекают внимание исследователей: романы, повести изучаются охотнее и чаще, чем «записки», «воспоминания» и т. п. Среди сложных причин такой диспропорциональности, вероятно, есть и первоочередные, лежащие на поверхности: как читать беллетристику и вообще сюжетную прозу интереснее, так интереснее работать с беллетристическим материалом, изучать его. В итоге, «Записки из Мертвого дома» – одно из наименее изученных произведений Ф. М. Достоевского. То же приходится сказать, например, о книге А. П. Чехова «Остров Сахалин». Когда заходит речь о су-

ществовании в русской литературе традиций Достоевского и Чехова, как правило, опираются на другие их произведения.

Однако нетрудно убедиться, что именно «Записки из Мертвого Дома» и «Остров Сахалин» почти неизменно находились в поле зрения писателей, разрабатывавших на протяжении XX в. специфическую по своей проблематике линию в русской прозе. Речь идет о так называемой «лагерной» прозе (если держать в поле зрения также дореволюционные произведения, ее можно обозначить как «каторжно-лагерную»).

2

В. М. Дорошевич, побывавший на Сахалине через несколько лет после Чехова, в своей книге «Каторга» рассказывает о встречах с осужденными «интеллигента-

ми». Например, с каторжанином Сокольским, который «любит и знает Достоевского», автор затеял беседу, «насколько теперешняя каторга ушла далеко от “Мертвого дома”, спорили, оба горячились». Далее «разговор перешел на литературу. Сокольский особенно любит, знает и понимает Достоевского. Помнит целые страницы из “Мертвого дома” наизусть:

– Ведь я сам хотел написать “Записки из мертвого острова”».

В главе «Интеллигент» Дорошевич прибегает к инсценировке: его собеседник говорит слогом, напоминая речи Мармеладова из «Преступления и наказания» или героя «Записок из подполья»:

«Вы нравственные обязательства, дозвоьте вас спросить, признаете? Очень приятно! Но раз вы признаете нравственные обязательства, вы обязаны меня удостоить беседой и все прочее. Ведь это человеческий документ, так сказать, перед вами. Землемер. Мы ведь тоже что-нибудь понимаем. Парлэ ву франсэ? Вуй? И я. Я еще, может быть, когда вы клопом были, в народ ходил-с. И вдруг ссыльнокаторжный! Позвольте, каким манером? И всякий меня выпороть может. Справедливо-с?»

Дальше «интеллигент» у Дорошевича заявляет:

«Вы понимаете белую горячку? <...> Как интеллигентный человек! Потому сейчас самоанализ и все прочее. У меня самоанализ, а меня на кобылу (приспособление для порки. – А. М.). Может мне зритель сказать, что такое Бокль, и что такое цивилизация, и что такое Англия? Я “Историю цивилизации Англии” читал, а меня на кобылу. Я Достоевским хотел быть! Достоевским! Я в каторге свою миссию видел. Да-с! Я записки хотел писать» (курсив мой. – А. М.).

О. В. Волков в своем «Погружении во тьму» характеризует потрясшую его лагерную обстановку именно через сравнение с описанным у Достоевского и Чехова:

«Из десяти вброшенных в этот ад – такой не могли видеть около ста лет назад Чехов на Сахалине и почти полтора – Достоевский в “Мертвом доме”, – девять человек попали по выдуманному, вздорному обвинению».

При своем освобождении из лагеря он подмечает: «Не было и тени того ликования, того вздоха полной грудью, предчувствия воли, что так впечатляюще описал Достоевский в “Записках из Мертвого дома” я переступил порог тесной клетки, чтобы шагнуть в более просторную, одинаково не знающую воли, изгнанной из России еще в семнадцатом году...».

Достоевский находится в поле внимания также у автора «России в концлагере» И. Л. Солоневича и его солагерников (в монтерской будке зэки даже держали его рваный, но подклеенный ими портрет).

Репрессированный по ложному обвинению советский разведчик Д. А. Быстролетов одну из частей своих «гулаговских» воспоминаний назвал «Записки из Живого дома», перефразируя название книги Достоевского.

Особенно интенсивно «присутствие» Достоевского и Чехова в произведениях А. И. Солженицына. Солженицын неоднократно побуждает героев своих произведений формулировать их «литературные позиции». Например, героиня его романа «В круге первом» Клара «по школе знала, что скучная эта литература: очень правильный Горький, но какой-то неувлекательный; очень правильный Маяковский, но непроворотливый какой-то, очень прогрессивный Салтыков-Щедрин, но рот раздерешь, пока дочитаешь; потом ограниченный в своих дворянских идеалах Тургенев; связанный с нарождающимся русским капитализмом Гончаров; Лев Толстой с его переходом на позиции патриархального крестьянства... Во всем этом многолетнем ряду один разве Пушкин сиял как солнышко».

Нетрудно заметить, что здесь А. И. Солженицыным, с одной стороны, пародируются

шаблонные социологические характеристики некоторых писателей («связанный с капитализмом Гончаров», Толстой и «патриархальное крестьянство» и т. п.). С другой стороны, тут вымышленной героине «переадресованы» авторские оценки называемых писателей, авторские личные предпочтения («неувлекательный» Горький, «неповоротливый какой-то» Маяковский, Щедрин, при чтении которого раздирает рот зевота, и т. п.).

Но среди великих русских писателей есть два, творчество которых постоянно находится в поле зрения А. И. Солженицына и, соответственно, его героев. Это именно Ф. М. Достоевский («Записки из Мертвого дома») и А. П. Чехов («Остров Сахалин»).

Применительно к ним Солженицын почти не допускает иронических характеристик. Исключением можно считать, например, отношение к Чехову героя романа в «Круге первом» Кондрашева, который «был поклонник Рембрандта и ниспровергатель Рафаэля. Почитатель Валентина Серова и лютей враг передвижников... слышать не хотел о Чехове, от Чайковского отталкивался, сотрясаясь». А вот здесь в данном романе, в описании советского «зэка», чувствуется невнятная авторская ирония в отношении сюжетов некоторых рассказов и повестей Чехова (но не в отношении «Острова Сахалин»):

«И очищенный от греха собственности, от склонности к оседлой жизни, от тяготения к мещанскому уюту (справедливо клейменному еще Чеховым), от друзей и от прошлого, зэк берет руки за спину и в колонне по четыре («шаг вправо, шаг влево – конвой открывает огонь без предупреждения!»), окруженный псами и конвойными, идет к вагону».

Сходная невнятная ирония усматривается (в отношении Достоевского) в такой реплике Солженицына из «Архипелага ГУЛАГ»: «Читать духовное! Достоевского – вот кого читать арестантам! Но позвольте, это у него: “дети голодали, уже несколько дней они ничего не видели, кроме хлеба и

колбасы”?»). (Такой реплики в произведениях Ф. М. Достоевского нами нигде не обнаружено. – А. М.). В другом месте Достоевский попадает в один ряд еще с несколькими писателями, над которыми автор иронизирует (в этот ряд для большей едкости угодил также известный персонаж Ильфа и Петрова):

«Дружбу Нержина с дворником Спиридоном Рубин и Сологдин благодушно называли “хождением в народ” и поисками той самой великой сермяжной правды, которую еще до Нержина тщетно искали Гоголь, Некрасов, Герцен, славянофилы, народники, Достоевский, Лев Толстой и, наконец, оболганный Васисуалий Лоханкин» («В круге первом»).

Повторяем, иронические реплики по адресу Достоевского и Чехова единичны. Наиболее часто Солженицын обращается к их произведениям для сравнения условий жизни на каторге и в советских лагерях. В названии его книги «Архипелаг ГУЛАГ» перефразировано название книги А. П. Чехова «Остров Сахалин» (архипелаг – группа близко расположенных островов). Кроме «Архипелага ГУЛАГ» «присутствие» имен Достоевского и Чехова характерно для романа «В круге первом» и повести «Раковый корпус». Например, к таким наблюдениям побуждает Солженицына Ф. М. Достоевский в «Архипелаге ГУЛАГ»:

«При Достоевском можно было из строя выйти за милостынею. В строю разговаривали и пели»; «Все же по людскому обычаю и в лагере бывает дружба. <...> Что есть – вместе, чего нет – пополам. Пайка кровная, правда, порознь, а добыток весь – в одном котелке варится, из одного черпается»; «Когда читаешь описание мнимых ужасов каторжной жизни у Достоевского, – поражаешься: как покойно им было отбывать срок! ведь за десять лет у них не бывало ни одного этапа!». (Авторское примечание к этому наблюдению: «Почему-то на каторге Достоевского “среди арестантов не наблюдалось дружества”, никто не ел вдвоем»).

Там же Солженицын пишет: «Омский острог, знавший Достоевского, – не какая-нибудь сколоченная из теса наспех ГУЛАГовская пересылка. Это – екатерининская грозная тюрьма... Этот острог должен был бы, кажется, подавить те смутные бунтарские предчувствия, которые росли в нас на распушенной Куйбышевской пересылке».

В романе «В круге первом» гравероформитель «в тюрьме... открыл в себе способность писать новеллы и писал их – о немецком плене, потом о камерных встречах, о трибуналах. Одну-две такие новеллы он уже передал через жену на волю, но и там – кому их покажешь? Их и там надо прятать. Их и здесь не оставишь. И никогда нельзя будет ни клочка написанного увезти с собой. Но один старичок, друг их семьи, прочел и передал автору через жену, что даже у Чехова редко встречается столь законченное и выразительное мастерство. Отзыв сильно подбодрил гравера».

Видимо, речь тут не столько о чеховском творчестве вообще (тогда был бы, скорее всего, упомянут его характерный лаконизм), сколько о книге «Остров Сахалин».

Вызывает интерес эпизод из «В круге первом», когда Глеб Нержин вспоминает пословицу «Для мяса люди замуж идут, для щей женятся»: «Он понимал эту пословицу так, что муж, значит, будет добывать мясо, а жена – варить на нем щи. Народ в пословицах не лукавил и не выкорчевал из себя обязательно высоких стремлений. Во всем коробе своих пословиц народ был более откровенен о себе, чем даже Толстой и Достоевский в своих исповедях».

Здесь имена двух русских классиков упоминаются Солженицыным в иной связи, чем в других вышеприведенных случаях. Столь же интересен разговор героев о социализме в «Раковом корпусе»:

«К чертовой матери с вашей ненавистью, мы, наконец, хотим любить! – вот какой должен быть социализм.

– Так – христианский, что ли? – догадывался Олег.

– “Христианский” – это слишком запрошено. Те партии, которые так себя называли, в обществах, вышедших из-под Гитлера и Муссолини, из кого и с кем берутся такой социализм строить – не представляю. Когда Толстой в конце прошлого века решил практически насаждать в обществе христианство – его одежды оказались нестерпимы для современности, его проповедь не имела с действительностью никаких связей. А я бы сказал: именно для России, с нашими раскаяниями, исповедями и мятежами, с Достоевским, Толстым и Кропоткиным, один только верный социализм есть: нравственный! И это – вполне реально.

Костоготов хмурился:

– Но как это можно понять и представить – “нравственный социализм”?

– А нетрудно и представить! – опять оживлялся Шулубин».

Чехов и «Остров Сахалин» также много раз по разным поводам упоминаются в произведениях Солженицына.

Например, он пишет в «Архипелаге ГУЛАГ»: «И еще есть у эзков некая национальная слабость, которая непонятным образом удерживается в них вопреки всему строю их жизни – это *тайная жажда справедливости*.

Это странное чувство наблюдал и Чехов на острове совсем, впрочем, не нашего Архипелага: «Каторжник, как бы глубоко ни был он испорчен и несправедлив, любит больше всего справедливость, и если ее нет в людях, поставленных выше него, то он из года в год впадает в озлобление, в крайнее неверие».

Хотя наблюдения Чехова ни с какой стороны не относятся к нашему случаю, однако они поражают нас своей верностью».

Особенно показательным представляется то, что Солженицын видит в неистребимой жажде справедливости русских заключен-

ных национальную черту, а не что-либо иное (у Чехова упоминался «каторжник» вообще – безотносительно к национальному фактору).

Или там же: «На Сахалине рудничные и “дорожные” арестанты в месяцы наибольшей работы получали в день: хлеба – 4 фунта (кило шестьсот!), мяса – 400 граммов, крупы – 250! И добросовестный Чехов исследует: действительно ли достаточны эти нормы или, при плохом качестве выпечки и варки, их не достает? Да если б заглянул он в миску нашего работяги, так тут же бы над ней и скончался!»

Писатель долго не оставляет затронутую тему и далее продолжает свои параллели с чеховскими подсчетами:

«Какая же фантазия в начале века могла представить, что “через тридцать-сорок” лет не на Сахалине одном, а по всему Архипелагу будут рады еще более мокрому, засоренному, закалелому, с примесями черт-те-чего хлебу – и семьсот граммов его будут завидным ударным пайком?!»

Здесь также косвенные критика и обличение советской лагерной системы осуществляются писательски тонко – не прямым образом, а путем еще одной апелляции к авторитету Чехова и «сопоставления намеком» каторжной системы царской России с советской.

Иногда наблюдения Чехова искренне изумляют автора «Архипелага ГУЛАГ». Например:

«Прочитируем Чехова. В его рассказе “В ссылке” перевозчик Семен Толковый выражает... чувство так:

“Я... довел себя до такой точки, что могу голый на земле спать и траву жрать. И дай Бог всякому такой жизни... Ничего мне не надо и никого не боюсь, и так себя понимаю, что богаче и вольнее меня человека нет”.

Эти поразительные слова так и стоят у нас в ушах: мы слышали их не раз от эков Архипелага (и только удивляемся, где их мог

подцепить А. П. Чехов?). И дай Бог всякому такой жизни! – как вам это понравится?»

Пространное рассуждение о либеральном отношении царской администрации к «политическим» заключенным Солженицын строит, отталкиваясь опять-таки от слов Чехова:

«Если о сахалинском режиме для уголовных Чехов восклицает, что он сведен “самым пошлым образом к крепостному праву” – этого не скажешь о русской ссылке для политических с давнего времени и до последнего. К началу XX в. административная ссылка для политических стала в России уже не наказанием, а формальным, пустым, “обветшалым приемом, доказавшим свою негодность” (Гучков), Столыпин с 1906 г. принимал меры к полному упразднению ее.

А что такое была ссылка Радищева? В поселке Усть-Илимский Остров он купил двухэтажный деревянный дом (кстати – за 10 рублей) и жил со своими младшими детьми и свояченицей, заменившей жену. Работать никто и не думал его заставлять, он вел жизнь по своему усмотрению и имел свободу передвижения по всему Илимскому округу. Что была ссылка Пушкина в Михайловское – теперь уже многие представляют, побывав там экскурсантами. Подобной тому была ссылка и многих других писателей и деятелей: Тургенева – в Спасское-Лутовиново, Аксакова – в Варварино (по его выбору). С Трубецким еще в камере нерчинской каторги жила жена (родился сын), когда ж через несколько лет он был переведен в иркутскую ссылку, там у них был огромный особняк, свой выезд, лакеи, французские гувернеры для детей (юридическая тогдашняя мысль еще не созрела до понятий “враг народа” и “конфискация всего имущества”). А сосланный в Новгород Герцен по своему губернскому положению принимал рапорты полицмейстера.

Такая мягкость ссылки простиралась не только на именитых и знаменитых людей.

Ее испытали и в XX в. многие революционеры и фронтеры, особенно – большевики... Вадим Подбельский за резкие антиправительственные статьи был сослан... из Тамбова в Саратов! Какая жестокость! Уже, разумеется, никто не гнал его там на подневольную работу».

Приведенное авторское рассуждение внутренне противоречиво – из него вытекает, что «не наказанием, а формальным, пустым приемом» ссылка сделалась не «к началу XX в.» – что она всегда была такой (Радищев – XVIII в., Пушкин, Тургенев, Аксаков, Герцен – XIX в.). Но нас в соответствии с темой интересует не это, а очередное проявление неизменного *пиетета* Солженицына в отношении Чехова.

Такой пиетет в особенности привлекает внимание потому, что анализируемые книги А. П. Чехова и А. И. Солженицына едва ли не *противоположны* с точки зрения примененных авторами творческих методик.

Чехов, крупнейший прозаик-художник своего времени, в «Острове Сахалине» отказался от многих своих чисто писательских возможностей. Он избрал интонации сухого, констатирующего факты изложения и попытался максимально приблизить повествование к принципам *научного* познания. Это могло быть неожиданно для читателей, однако нельзя не признать, что и сама поездка на Сахалин, и данное произведение великого писателя были очень «в духе времени». В современной Чехову прозе выступила плеяда русских натуралистов (П. Д. Боборыкин, В. И. Немирович-Данченко, В. И. Гиляровский и др.). Натуралисты подчеркивали, что, оставаясь в пределах литературы, стремятся к документальной и даже *научной* точности повествования. Они делали в своих произведениях «срезы» живой подлинной реальности, фиксируя и различные факты жизни современной России, и описывая реальных людей. А в литературоведении конца

XIX в. даже появилась концепция академика Д. Н. Овсяннико-Куликовского, главы *психологического* направления в литературоведении, отождествлявшая художника слова с «экспериментатором», а литературы и искусства – с рационалистическим познанием.

Понятно, что А. П. Чехов как писатель был куда более крупной личностью, чем любой из натуралистов. Однако их опыт был ему отнюдь не безразличен, а, например, с В. И. Гиляровским (автором знаменитых по сей день очерков о жизни московского уголовного «дна»), которого Чехов высоко ценил, его связывала близкая дружба.

С самого начала «Острова Сахалина» Чехов насыщает повествование разнообразными точными документальными подробностями. (Причем заметно, что художественно сильные, но *эмоционально окрашенные* черновые варианты систематически изымаются им из окончательного текста.) Чехов наблюдал факты окружающей жизни, предъявляя различным людям один и тот же составленный им заранее «вопросник», нацеленный не на постижение их личных судеб, а на постепенное формирование социальной панорамы сахалинской жизни. Как пишет сам Чехов, «я прибегнул к приему, который в моем положении казался мне единственным. Я сделал перепись... На каждой карточке в первой строке я отмечал название поста или селения. Во второй строке: номер дома по казенной подворной описи. Затем, в третьей строке, звание записываемого: каторжный, поселенец, крестьянин из ссыльных, свободного состояния. Свободных я записывал только в тех случаях, если они принимали непосредственное участие в хозяйстве ссыльного, например, состояли с ним в браке, законном или незаконном, и вообще принадлежали к семье его или проживали в его избе в качестве работника или жильца и т. п.». Как видим, писатель постарался освоить приемы социологической науки, статистики и т. п. Таковы

основные черты чеховского творческого подхода в «Острове Сахалине».

Солженицын же сам объявил «Архипелаг ГУЛАГ» «художественным исследованием». Он создал не научно-документальную летопись реальности, а образ реальности. Как со впечатляющей откровенностью пишет он сам, «мне не досталось читать документов». В свете этого заявления ждать строгой документальности и не приходится.

А. П. Чехов рассказал в своей книге о том, что сам реально видел, посвятил книгу месту, где реально был. Никаких обобщающих суждений о царской каторге «вообще» он не делает, оставаясь строго в пределах личного опыта. А. И. Солженицын реально был в одном уголке «ГУЛАГа». Остальное рассказывается и описывается им на основании косвенных источников. В итоге его книга содержит не только достоверно установленные факты, но также факты непроверенные, лагерные слухи и т. п. – однако практически всему придается «образ факта». Последнее – характерная черта «Архипелага ГУЛАГ», сближающая его с принципами построения книги А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву».

3

О мире ГУЛАГа существует много воспоминаний различных людей – воспоминаний,

человечески драматических, но не ставших фактами художественной литературы. Причины последнего связаны как с отсутствием у таких авторов писательского дарования, так и с тем, что их воспоминания оказались «замкнуты» на эмпирических фактах, фактах личной биографии. Мемуаристы нередко не умеют, да и не проявляют осознанного желания придать своим мемуарам обобщающее звучание – иначе говоря, «подключить» их к литературной традиции.

Как известно, традиция наследуется писателями-потомками весьма многообразно. Здесь могут присутствовать и прямое подражание предшественникам, и, напротив, подчеркнутое отталкивание, и реминисценции, и параллели, – как и еще многое другое.

У истоков «каторжно-лагерной» сюжетно-образной традиции в русской прозе стоят произведения русских писателей-классиков – конкретно говоря, Достоевского и Чехова. Их произведения, посвященные миру дореволюционной каторги, послужили немалым подспорьем для авторов XX в. – как правило, подобно Достоевскому, лично прошедших через жизненные испытания, но испытания еще более жестокие, чем те, что пережил великий русский писатель.

Литература

1. Быстролетов Д. А. Записки из живого дома // Заполярная правда. – 1992. – 23 июня.
2. Волков О. В. Погружение во тьму. – М., 1989. – (Белая книга России; вып. 4).
3. Дорошевич В. М. Каторга: в 3 т. – М., 2001.
4. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990.
5. Солженицын А. И. Собр. соч.: в 7 т. – М.: ИНКОМ НВ, 1991. – Т. 1–2: В круге первом; Т. 4: Раковый корпус; Т. 5–7: Архипелаг Гулаг.
6. Солоневич И. Л. Россия в концлагере / подготовка текста М. Б. Смолина. – М., 1999.
7. Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. – М.: Художественная литература, 1978–1985.
8. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. – М.: Наука, 1974–1983.
9. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Язык и искусство. – СПб., 1895.
10. Шумилин Д. А. «Архипелаг ГУЛАГ» А. И. Солженицына как художественное исследование: монография / Моск. гос. пед. ин-т; каф. рус. лит-ры. – М.: Мегатрон, 1999.